

Напольских В. В., Энговатова А. В.

Симпозиум “Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке (7000-1000 гг. до н.э.) в свете лингвистических и археологических данных” (Твярминне, 1999) // *Российская археология*. Москва, 2000. №4. Стр. 224-232.

(здесь – только часть **В. В. Напольских!**)

В нескольких докладах лингвистической серии затрагивалась проблемы выявления субстратных компонентов в ряде уральских и индоевропейских языков. Наибольший интерес представляло выступление **Петера Скрейвера** (Лейден). Речь в нём шла об определении особенностей, позволяющих выделить слой субстратной лексики неизвестного (“палеоевропейского”) происхождения в кельтских, германских и прибалтийско-финско-саамских языках. Хотя сама по себе констатация наличия палеоевропейского субстрата в языках названных групп давно стала общим местом в сочинениях и лингвистов и историков, имеется и реальная фиксация наличия одного из таких языков – некельтские элементы в пиктских огамических надписях на севере Британии, реально в этом направлении сделано немного. Думается, разрабатываемая П.Скрейвером гипотеза о субстратном северноевропейском “языке геминат” – языке, в котором имели место чередования корневых инлаутных согласных и их сочетаний, в некоторой степени напоминающие чередование ступеней в прибалтийско-финско-саамском, но имевшие самостоятельное значение в словообразовании, – не лишена смысла и весьма продуктивна. Сообщение **Петри Каллио** (Лейден) было посвящено поискам субстратных уральских фонетических черт в некоторых группах индоевропейских (ИЕ) языков, каковые он видит в тохарском (стечение трех рядов ИЕ смычных в один ряд глухих смычных, палатализация и др. широко известные особенности), балто-славянском и индоиранском (утрача аспирированных смычных (кроме индоарийского), сатемизация и палатализация вообще). Вообще, если считать палатализацию, например, непременно ФУ субстратной чертой, то ФУ субстрат придётся постулировать, скажем, в албанском, ирландском, китайском, во многих африканских и североамериканских языках. Следует заметить, что появление субстратных черт в фонетике едва ли возможно при полном отсутствии следов такового субстрата в лексике, а в языках названных ИЕ групп нет или по крайней мере не выявлено никаких субстратных слов ФУ или У происхождения, что нашло отражение и на Симпозиуме: в докладе **Александра Люботского** (Лейден) была предпринята попытка выделить (по фонетическим, фонотактическим, морфологическим критериям) в лексике индоиранских языков слова субстратного (неиндоевропейского происхождения). Выявляемая группа слов во-первых, весьма невелика, что свидетельствует о достаточно самостоятельном, “бессубстратном” развитии индоиранского, по крайней мере до его распада, во-вторых, не обнаруживает практически никаких параллелей в уральских, да и, кажется, в каких-либо других известных языках.

В докладе **Владимира Владимировича Напольских** (Ижевск) было предложено полтора десятка возможных лексических заимствований из ИЕ языка близкого тохарским (“паратохарского”) в уральских языках, среди которых слова со значением ‘металл’, ‘лошадь’, ‘лить’, ‘колесо’. Проникновение этих слов в уральские языки от прасамодийского в Западной Сибири до праприбалтийско-финско-мордовской общности на Верхней Волге связывается с распространением в 17-16 вв. до н.э. сейминско-турбинского транскультурного феномена, в составе носителей которого могли быть потомки создателей афанасьевской археологической культуры, с которой могут быть связаны ранние этапы этнической истории языковых предков тохаров.

В докладе **Кайсы Хяккинен** (Турку) была дана характеристика культуры финно-угорского (ФУ) пранарода по данным реконструируемой праязыковой лексики. Доклад **Тапани Салминена** (Хельсинки) был посвящён рассмотрению некоторых проблем классификации уральских языков и методологии палеолингвистических исследований.

Предложенная им модификация схемы родословного древа уральских языков в виде “гребня”, где ПУ непосредственно и одновременно распадается на праприбалтийско-финский, прасаамский, прамордовский, прамарийский, прапермский, прамансийский, прахантыйский, правенгерский и прасамодийский лишает эту схему всякой эвристической ценности и едва ли получит какое-нибудь применение.

Методологическим проблемам исследования языковой предыстории был посвящён также доклад **Евгения Арнольдовича Хелимского** (Гамбург). Прежде всего, были рассмотрены модные ныне среди определённого рода исследователей в уралоистике (см. прежде всего работы Я.Пустаи) модели происхождения родственных языков (или – модели объяснения родства языков одной семьи) в ходе контактов через “слияние”, “гибридизацию” изначально неродственных языков (“contact kinship”, “areal affinity”). На примере анализа реальных языковых процессов в различных регионах и разных языковых средах было убедительно показано, что основным исторически релевантным процессом языкового развития, ведущим к образованию группы родственных языков является процесс дивергенции (распада языка-предка на несколько новых), традиционно иллюстрируемый в языкознании схемой “родословного древа”. С этой точки зрения (на которой базируется всё здание существующего сравнительно-исторического языкознания) некоторые параллели между прауральским (ПУ) и праиндоевропейским (ПИЕ) могут быть объяснены не как результаты заимствований, а как наследие более древнего родства в рамках ностратической макросемьи языков.

Вообще в выступлениях участников Симпозиума и в ходе дискуссии проявились два диаметрально противоположных подхода к рассмотрению проблем происхождения финно-угорских народов и к исследованию этнической истории вообще, которые наиболее чётко обозначились в обсуждении трёх тем:

1) локализация прародины финно-угров: либо на Балтике, в идеале – в Финляндии (Аско Парпола, Кристиан Карпелан, Йорма Койвулеhto (Хельсинки), Пекка Саммалаhti (Оулу), близка к этой и точка зрения Яноша Маккаи (Будапешт)), либо – в Западной Сибири и на Урале (Владимир Напольских (Ижевск), Любовь Косинская (Екатеринбург), Сергей Кузьминых (Москва), Евгений Хелимский (Гамбург)), к этой же точке зрения склоняются Юха Янхунен (Хельсинки) и Джеймс Мэллори (Белфаст));

2) следы контактов древних уральцев с носителями индоевропейского праязыка: либо признание наличия протоиндоевропейских заимствований в уральском праязыке, точнее – за редким исключением в прибалтийско-финских и саамском языках (Йорма Койвулеhto (Хельсинки), Пекка Саммалаhti (Оулу)), либо – отказ от предположений о таких заимствованиях и, следовательно, признание отсутствия оснований для гипотез о древнейших праиндоевропейско-уральских контактах (Владимир Напольских (Ижевск), Евгений Хелимский (Гамбург), Юха Янхунен (Хельсинки)). Специально анализу проблемы с демонстрацией реальных альтернатив гипотезе о заимствованиях (прежде всего – генетическое родство ПИЕ и ПУ на более глубоком уровне, ностратическая гипотеза) была посвящена часть вышеупомянутого доклада Е.А.Хелимского;

3) подход к построению исторических моделей генезиса уральских и индоевропейских народов: либо в качестве отправной точки берётся верхний палеолит и мезолит, время заселения человеком севера Европы, с опорой почти исключительно на реальную или кажущуюся преэминентность археологических культур, имплицитно предполагая при этом жёсткую связь между археологическим материалом, антропологическим типом и языком древнего населения (Кристиан Карпелан (Хельсинки), Янош Маккаи (Будапешт)), либо – предпочитают ретроспективные реконструкции этнических процессов, начиная со средневековья с учётом относительной самостоятельности развития материальной культуры, антропологического типа и языка, для сведения данных о которых в единую историческую модель древних социальных и экономических процессов, объясняющую причины, приведшие к формированию этнической и языковой карты того или иного региона, необходимо использовать проверенные временем методы и результаты

целого комплекса наук: археологии, физической антропологии, лингвистики, палеоклиматологии, палеоботаники и т.д. (Владимир Напольских (Ижевск), Джеймс Мэллори (Белфаст), Дэвид Энтони (Онеонта)).

В докладе **Кристиана Карпелана** (Хельсинки) излагалась следующая схема происхождения финнов: индоевропейский и уральский праязыки имели древнейшие тесные контакты, которые исследователь склонен относить ко временам палеолитическим (об этой проблеме подробнее см. ниже). В эпоху позднего ледникового максимума население Центральной Европы было разделено вследствие природных условий на два блока, западный и восточный. Поскольку связывать генезис финнов с западным (локализуемым на территориях Франции и Испании) блоком, по-видимому, как-то неловко, К.Карпелан считает, что древнейшие этапы совместной предыстории уральцев и индоевропейцев связаны с восточным блоком, прауральцы ассоциируются у него с создателями *свидерской* мезолитической культуры. С распространением постсвидерского населения в Восточной и Северной Европе связывается распространение финно-угорской речи, и, таким образом, предполагается, что прямые языковые предки современных финнов жили в Финляндии ещё в мезолите.

В выступлениях **Яноша Маккаи** (Будапешт) и **Аско Парполы** (Хельсинки) излагались схемы генезиса финнов, которые в частности, возможно, несколько расходились со схемой К.Карпелана, но их опорные пункты оставались теми же: древнейшие контакты уральского и индоевропейского праязыков – локализация уральской прародины в Центральной Европе – связь древнейших этапов этнической истории уральцев со *свидерской* культурой – распространение уральских языков с распространением постсвидерского населения. Нетрудно заметить, что отсутствует формальная логическая связь даже между этими положениями (например, контакт ПУ и ПИЕ никак не означает локализации прауральского непременно в Центральной Европе). Отправной момент данной цепи рассуждений (ПИЕ заимствования в ПУ) сам по себе является весьма сомнительным (см. ниже).

Проблема, однако, в том, что данная схема требует, во-первых, полного пересмотра всей системы сегодняшних представлений о хронологии уральской языковой истории (резкого удревления датировок праязыковых распадов, выходящего за пределы всяких разумных допусков). Во-вторых, она требует отказа от общепринятых и в течение двухсотлетней истории исследования этнической истории народов различных языковых групп (индоевропейской, семито-хамитской, уральской, алгонкинской и др.) прекрасно зарекомендовавшей себя методики лингвистической палеонтологии (реконструируемая по данным прауральского словаря картина природного окружения носителей ПУ языка никак не согласуется с центральноевропейской локализацией прародины уральцев). В третьих, эта схема не учитывает хорошо известные и проверенные временем положения о типологической близости уральских языков в пределах Евразии не к языкам западного круга (семитским, кавказским, индоевропейским), а к языкам восточным (тюркским, тунгусо-маньчжурским, монгольским, юкагирскому), с которыми уральские языки связаны и древними лексическими параллелями (не менее многочисленными и во всяком случае гораздо лучше обоснованными, чем ПИЕ параллели, которыми оперируют сторонники центральноевропейской прародины уральцев), а по крайней мере с одним из этих языков – юкагирским, уральские языки находятся в генетическом родстве. “Восточному” характеру уральских языков с точки зрения в основном их типологии был посвящён на Симпозиуме доклад **Юхи Янхунена** (Хельсинки), одним из основных выводов которого была необходимость привязки древнейших этапов происхождения уральской языковой системы к восточному центру в пределах Евразии (Дальний Восток, Центральная Азия, Сибирь).

Таким образом, “свидерская гипотеза” происхождения уральцев практически требует слома всей существующей системы сравнительно-исторического языкознания. При этом с точки зрения этой гипотезы остаётся абсолютно необъяснённым и необъяснимым появление пермских, угорских и самодийских языков на исторических территориях их

бытования. Собственно, сторонников данной гипотезы эти проблемы и не интересуют: их интересы замыкаются в рамках этнической истории собственно финнов, максимально – западных финно-угров от финнов до мордвы. На это обстоятельство в ходе дискуссии пришлось обратить их внимание, и был получен весьма симптоматичный ответ.

Происхождение самодийцев (= воображаемый приход их из Восточной Европы в Сибирь) Аско Парпола связал с “сейминско-турбинской культурой”, которая датируется, как это написано в распространённом тексте его доклада 2200-1400 гг. до н.э.. Можно было бы подумать, что эта фантастическая датировка, равно как и сама нелепая интерпретация археологического материала (движение сейминско-турбинских групп с востока на запад связывается с гипотетическим движением предков самодийцев с запада на восток) обязаны просто какой-то случайной ошибке неспециалиста, но Аско Парпола сослался на устное сообщение археолога Кристиана Карпелана, который, в свою очередь, подтвердил, что данная схема принадлежит ему.

Слышать такое было не только удивительно, но и крайне неприятно, тем более, что говорилось это не для местного употребления в узком кругу дилетантов, а в присутствии специалистов, в частности, крупнейшего исследователя сейминско-турбинского транскультурного феномена С.В.Кузьминых. Впрочем, нелепость подобных построений была настолько очевидна, что собравшиеся предпочли оставить их без комментариев. Нельзя, однако, не заметить, что построение совершенно искусственных ничем не обоснованных схем вроде “свидерской гипотезы” генезиса уральцев, приводит к отрицанию каких-либо реальных фактов и методов не только в лингвистике, но и в археологии.

Принципиальное значение для построений финских коллег о происхождении уральцев из Финляндии имеют попытки некоторых лингвистов, и прежде всего – финского германиста **Йормы Койвулехто** (Хельсинки), сделавшего именно на эту тему сообщение на Симпозиуме, обнаружить в финно-угорских (ФУ) (чаще всего – только в прибалтийско-финских и саамских, но иногда – и в прафинно-угорском (ПФУ) или даже прауральском) языках старые индоевропейские (ИЕ) заимствования, которые аттестуются ими как праиндоевропейские. Дальнейшая цепь умозаключений примерно следующая: поскольку в ПФУ и ПУ имеются ПИЕ заимствования – существовал контакт между ПИЕ и ПУ / ПФУ – такой контакт можно связывать с проникновением на север культур шнуровой керамики (КШК) и боевых топоров, а именно с прибалтийской КШК – поскольку контакт ПИЕ и ПФУ / ПУ имел место в Прибалтике и Финляндии – прародина уральцев находится там же.

Естественно, что любой человек, минимально знакомый с археологией России и проблематикой уральской и индоевропейской прародины может предложить несколько альтернативных кандидатов на роль якобы контактировавших с уральцами древних индоевропейцев: прежде всего – фатьяновская и балановская КШК, достигавшие Средней Волги и Башкирии, кроме того – памятники с накольчатой керамикой в позднем неолите Среднего Поволжья, уральский вариант ямной общности, афанасьевская культура и т.д.. Вся приведённая выше цепь рассуждений базируется, по сути дела, исключительно на нежелании заглянуть за пределы прибалтийско-финской ойкумены и незнании российской археологии или отсутствии привычки принимать её во внимание.

Дело, однако, даже не в этом: сама лингвистическая база финноцентристских построений в уралистике (работы Й.Койвулехто и его школы о ПИЕ заимствованиях в ПФУ / ПУ) является совершенно негодной, представляет собой фантастическое нагромождение малообоснованных гипотез и некорректных допущений и была неоднократно подвергнута обстоятельной лингвистической критике [Ritter 1993; Хелимский 1995]. Таким образом, схема происхождения уральцев из Финляндии, нашедшая отражение и в упомянутых выше докладах, сделанных на совещании в Твярминне, базируется на более чем сомнительном лингвистическом основании и чрезвычайно тенденциозной и ограниченной интерпретации археологического материала. Поскольку, однако, частности ведущихся в лингвистике дискуссий для коллег-археологов мало известны, имеет, видимо, смысл разобрать здесь приведённые в докладе Й.Койвулехто ПИЕ этимологии ряда ФУ слов.

ПФУ **kelke-* ‘быть должным’ ← ПИЕ **skelH-* ‘тж’ (> лит. *skelėti*, гот. *skulan* и др.). Реконструкция ПИЕ формы с ларингалом ни на чём не основана. Вообще, поскольку данный корень представлен, кажется, только в балтских и германских языках [IEW: 927], считать его древним ПИЕ (обще-ИЕ) едва ли возможно. Если очень хочется считать это ПФУ слово ПИЕ заимствованием (ничто, впрочем не препятствует и предположению об обратном заимствовании из какого-то ФУ языка в германский и балтский), то источником для него мог послужить, например, протобалтский.

ПФУ **kulke-* ‘идти, ходить’ ← ПИЕ **k^welH-elo-* ‘тж’ (> др.-инд. *cára-ti* ‘идёт’ и др.). Оснований для реконструкции ларингала в ПИЕ нет. Если непременно нужно рассматривать ПФУ слово как заимствование, наилучшим источником может быть, например, тох. *kälk-* ‘идти’ (< **kūäl-k-* < **k^welol-* [Hilmarsson 1996: 62]).

ПУ **mexe-* ‘давать; (про)давать, платить’ ← ПИЕ **h₂mei-g^w-* ‘менять’. В ПУ следует реконструировать первичное значение ‘давать’ (> ‘платить’), что слабо соответствует семантике ИЕ слова. Форма с расширением **-g^w-*, могущая объяснить ПУ **-x-* / **-γ-* (которое, впрочем, реконструируется только на основании саамских данных), для ПИЕ едва ли может быть восстановлена: её дериваты имеются только в древнегреческом и латыни, причём в последней этот дериват означает не столько собственно ‘менять’, но специально ‘менять место жительства, мигрировать’ [IEW: 713]. Др.-гр. *αμείβω* ‘меняю, обмениваю’, приводимое Й.Койвулехто, может быть вообще не связано с этим индоевропейским корнем. В принципе, в данном случае нельзя исключать влияния слова какого-то индоевропейского языка (арийского ?) на развитие семантики (а, возможно, и фонетического облика) дериватов данного корня в некоторых уральских языках, но говорить о заимствовании ПИЕ > ПУ нет оснований.

ПУ **moške-* ‘мыть’ ← ПИЕ **mozg-eh₂-yelo-* (> др.-инд. *majjāti-* ‘тонет, погружается в воду’, лит. *mazgóti* ‘мыть’ и др.). Замена ПИЕ **z* > ПУ **ś* трудно объяснима, плохо согласуется и семантика: ПИЕ слово должно было означать, собственно, ‘погружать(ся) в воду, тонуть, топить’, значение ‘мыть’ развилось только в балтских языках. Таким образом, либо балтизм (но не ПИЕ заимствование), либо оноματοпоэтическое слово.

ПУ **pele-* ‘бояться’ ← ПИЕ **pelh₁-* ‘тж’ (др.-в.-нем. *felm* ‘страх’ и др.). Очевидно несоответствие отражения ПИЕ *-H-* в данном случае и в случае с ПФУ **kelke-* (см. выше), что, впрочем, имеет значение лишь как иллюстрация методологических недостатков сопоставлений Й.Койвулехто в целом: реконструкция ПИЕ ларингала в обоих случаях – даже не предмет дискуссии, а дело вкуса. ПИЕ слово представлено в основном в виде дериватов с расширением на **-m-* (др.-гр. *πέλεμιζω* и др.), которое, однако, в уральском никак не отражено. Если считать сходство ПУ и ПИЕ слов неслучайным, непонятно, почему следует оставить без внимания сем.-хам. **pl* ‘бояться’ [Иллич-Свитыч 1968: 344], драв. **piṛa* ‘бояться’, тунг. **pāl-* ‘не сметь’, ст.-уйг. *beliṅ* ‘пугливый’. Предположить, что уральское слово заимствовано, например, из тунгусского, Й.Койвулехто не хочет не потому, что этому что-то мешает, а лишь потому, что исторические импликации такого предположения будут сильно отличаться от тех, которые нравятся ему и К^о.

ПУ **puna-* ‘плести, вить’ ← ПИЕ **p_ṛH-elo-* ‘натягивать (нити), плести’ (лит. *pėnti* ‘плести’ и др.). Вновь – отсутствует отражение ларингала в ПУ. Проблематичен и вокализм соответствия. Если опять-таки необходимо говорить о заимствовании, ничто не мешает считать слово старым балтизмом (судя по семантике) или, например, тохаризмом (тох. А *rāpnw-*, В *rānn-* ‘натягивать’), хотя ничто не мешает говорить и об обратном направлении заимствования, а самое главное: как быть с драв. **piṛ-* ‘связывать’, сем.-хам. **pn* ‘вращаться, мотать’ [Иллич-Свитыч 1968: 340].

ПУ **pura-* ‘сверлить’ ← ПИЕ **bhr(H)-* ‘тж’. Возможно, данное слово могло быть заимствовано как технический термин неолитического времени, когда получило распространение сверление камня, но источник этого заимствования установить едва ли возможно: корень имеет практически паневразийское распространение: семит. **br*

‘сверлить’, картв. **bru-* ‘вертеть’, драв. **por* ‘отверстие’, тю. *bura-* ‘вертеть, поворачивать’ и т.д. [Иллич-Свитыч 1971: 186-187].

ПФУ **šalka* ‘шест, жердь’ ← ПИЕ **ǵ^halg^ho-* / **ǵ^halg^hā-* ‘тж’ (лит. *žalgas* / *žalga* и др.). Считать данное слово праиндоевропейским можно только по сильному недомыслию: ПФУ **š-* однозначно свидетельствует об уже прошедшем сатемном переходе **ǵ > (*ǵ̃ /)* **š̃ / *ž̃*, следовательно, источником ПФУ слова мог быть арийский, протобалтский или какой-нибудь другой древний сатемный ИЕ диалект, но никак не ИЕ праязык.

ПФУ **wetä-* ‘вести’ ← ПИЕ **wed^h-elo-* ‘тж’ (лит. *vusti* и др.). Если обязательно видеть в этом слове ИЕ заимствование, то невозможно доказать, что источником его был именно ПИЕ, а не, например, протобалтский. Какие-либо культурно-исторические основания для подобного заимствования также отсутствуют.

ПУ **wete* ‘вода’ ← ПИЕ **wed-(erlen-)* ‘тж’. Чистый ПИЕ корень **wed-*, который якобы был заимствован в ПУ, в ИЕ языках, кажется, не зафиксирован, реальные же формы типа **ueder-* должны были бы дать иные уральские соответствия. Не ясно, кроме того, почему в данном случае в ПУ должно было сохраниться **e*: ср. переход ПИЕ **ue > ПФУ *u* выше.

ПФУ **wosa* ‘товар, торговать’ ← ПИЕ **wosā* ‘товар’ (> нем. *Ware*, др.-инд. *vasnām* ‘цена’ и др.). Пожалуй, одна из немногих этимологий Й.Койвулехто, которые не следует сразу отвергать, заимствование не исключено, но источником его отнюдь не обязательно должен был быть ПИЕ, вполне приемлема и арийская альтернатива (**a > *o* под влиянием **w-*).

Ф.-саам. **kaśa* ‘острие’ (ф. *kasa*, эст. *kadza*, саам. *gæčče*) ← ИЕ **h₂ak^uā* (> герм. **agjō > др.-в.-н. ekka* ‘острие, край, угол’). Следует заметить, что прафинско-саамская форма может быть восстановлена и как **kaśa*. Крайне неудачное сопоставление прежде всего потому, что ларингал в ПИЕ реконструируется, исходя исключительно из двух домыслов: во-первых, о невозможности простого вокального анлаута в ПИЕ, во-вторых, о том, что в таких случаях надо непременно реконструировать ларингал, т.е. звук, который должен отразиться в ФУ как заднеязычный смычный; реальных материальных оснований для его реконструкции нет никаких. С другой стороны, если всё же рассматривать финско-саамское слово как ИЕ заимствование, переход **k̂ > *ć / *ś* однозначно указывает на сатемный язык-источник (протобалтский, арийский), но никак не на ПИЕ.

Пр.-ф. **kaske* / **kaśke* (> ф. *kaski* ‘участок леса, расчищенный огнём под пашню’) ← ИЕ **h₂azgV-* (> герм. **askōn-* > ст.-норв., др.-в.-н. *asca* ‘пепел’, применяется в топонимах для обозначения расчищенных огнём участков). В отличие от большинства этимологий Койвулехто, в данном случае есть некоторые основания предполагать ПИЕ форму с “ларингалом”: ср. хетт. *ḫa-aš-ši-i* ‘в очаге’ [IEW: 68]. Было бы неплохим культурным заимствованием времени раннего земледелия, если бы не один нюанс: в прибалтийско-финских языках исконное значение слова – ‘(молодая) берёзка’ (ср. вод. *kahči*, эст. *kask* ‘берёза’, ф. (диал.) *kaski* ‘молодая берёзка’), на него же указывают и внешние параллели: удм., коми *kjž-pu* ‘берёза’ и т.д. [SKES: 168; UEW: 211]. Переход ‘молодая берёза’ → ‘берёзовая поросль’ → ‘росчисть, пал’ естественен, т.к. берёза прежде всех деревьев вырастает на уничтоженных огнём участках леса.

Ф.-морд. **kürsä* ‘вид (примитивного, плохого) хлеба’ (> ф. *kursä* ‘плохой, не поднявшийся хлеб; корка хлеба; мелочь’, морд. *kši* ‘хлеб’) ← ИЕ **krusā* (> праслав. **krūcha > рус. кроха, крошка*). Сопоставление и фонетически, и семантически не безупречное, хотя и возможное (автор приводит соответствующие примеры). В случае его принятия речь, естественно, должна идти о раннем протославянском (см. ниже о переходе **s ~ *š* в ряде слов славянского происхождения в прибалтийско-финском), а не о ПИЕ заимствовании.

Ф.-волж. **lešte* ‘лист’ ← ПИЕ **b^hl_h1-tó-* ‘тж’ (> герм.: др.-в.-н. *blat* и др.). Принятие этимологии очевидно требует столь большого нагромождения допущений, что нет, по-

видимому, никакого смысла даже обсуждать их, – тем более, что существует альтернатива, не встречающая практически никаких проблем: ← слав. **listŭ* ‘лист’ (см. ещё в [Viitso 1991: 191]). Примеры на соответствие слав. **-st-* > ф. **-št-* см. также ниже, наличие целого комплекса слов с таким переходом, имеющих явно праславянский облик однозначно свидетельствует об их праславянском происхождении и лишает всяких оснований совершенно искусственные ИЕ или германские альтернативы Й.Койвулехто.

Ф.-перм. **lonta* ‘(низкая) земля, поле’ (> ф. *lansi* ‘низина’, удм., коми *lud* ‘поле, поляна, священная роща’) ← ИЕ / протогерм. **londʰo-* ‘земля, страна’ (> герм. **landa-*). Приводимые здесь финские и пермские формы следует дополнить самодийской (нен. *lamtu* ‘низкий’ и др.) и марийской параллелью (мар. (Л.-В.) *mlande*, (Г.) *məlande* ‘земля’). Самодийское и ф. слово со специфической семантикой можно возводить, как это принято, к ПУ **lamte* ‘низкий, глубокий; низменность’ [UEW: 235-236, 263], которое нет никакой необходимости объяснять как заимствование из ИЕ слова со значением ‘земля’. Пермско-марийское **lande* ‘участок (необработанной) земли, используемой в сельском хозяйстве; священная роща’ семантически отделяется от других уральских слов этого гнезда, и для него была предложена протославянская этимология: ← слав. **ləda* / **lədŭ* ‘участок некультуренной земли, пригодный для сельскохозяйственного использования; (вост.-слав.) нечистая сила’ (< балто-слав.-герм. **lenda*) [Napolskich 1996: 100] (см. там же об исторической подоплеке заимствования). Таким образом, перед нами в лучшем случае протославянское (или более древнее балто-славяно-германское), но никак не ПИЕ заимствование.

Перм. **pe(w)šenV* ‘решето’ (> удм. *puž(n-)*, коми *pož(n-)*) ← ПИЕ **pewHeno-* (> др.-инд. *pávana-* ‘очистка, веяние зерна, просеивание’). Ларингал в ПИЕ реконструируется только для того, чтобы объяснить **š* в пермском, внутренних ИЕ причин для такой реконструкции нет (не говоря о том, что переход **H* > **š*, предполагаемый в сочинениях Й.Койвулехто выглядит весьма странно). Поздняя пермская праформа должна быть реконструирована как **pož(n-)* и может восходить к доперм. **pošn-* (**-n-* может быть глагольным суффиксом) и безусловно должна быть сопоставлена с морд. *ponžavtoms* ‘веять (зерно)’ и ф. *pohta-* ‘провеивать’ < **poš(n-lt-)* [UEW: 738]. Реконструируемая таким образом праформа делает сравнение данного слова с ПИЕ **pewHeno-* фонетически невозможным.

Приб.-ф. **rošto* ‘трава, зелень, лечебная трава’ (> ф. *rohto* и др.) ← ИЕ **gʰróH-to-* (*n-*) / **gʰróH-tu-* (> др.-норв. *gróp-* ‘трава, росток’ и др.). Реконструкция ларингала в ИЕ малообоснованна, переход этого ларингала в приб.-ф. **š* тем более выглядит странно (наличие нескольких не менее сомнительных примеров в сочинениях Й.Койвулехто не меняет дела). На самом деле альтернативная славянская этимология (рус. *росток* и т.д., о группе слов с переходом **st* → **št* см. выше) лишает всякого смысла поиски древней индоевропейской или протогерманской этимологии.

Ф.-перм. **solke(-mз)* ‘заколка, пряжка, вид нагрудной броши’ (> морд. *sulgamo* и др.) ← ПИЕ **kólh₂ó-* (> др.-инд. *śalá-* ‘колючка, шип’, др.-норв. *hali* ‘наконечник копья’ и т.д., к этому же корню восходит, возможно, и рус. *солома* [Фасмер 1987: 713]). На самом деле, происхождение др.-инд. *śalá-* ‘колючка, шип’, безусловно образующего единство с рядом других др.-инд. дериватов того корня (*śará-* ‘трубка, тростник’, *śalākā-* ‘щепка, стружка, заноза, ветка’, *śálka-* ‘стружка, чешуя, корка’, *śila-* ‘колос, оставшийся в поле’), неясно, не исключено, что оно имеет неиндоевропейское происхождение [Mayrhofer III: 306, 313-314, 342], следовательно, индоевропейская этимология Й.Койвулехто сама по себе не слишком надёжна. С другой стороны, если её всё-таки следует принимать, то фиксируемый переход ИЕ **k̑* > **ś* однозначно указывает на сатемный (скорее всего – арийский) язык-источник, но никак не на ПИЕ.

Приб.-ф. **taštas* ‘тесто’ ← ПИЕ **tah₂i-s-to-(s)*. Непонятно, почему не годится балто-славянский источник (рус. *тесто*, поль. *ciasto* < ИЕ **taisto-* ‘тесто’), о переходе **st* → **št* в группе славянских заимствований в приб.-ф. языках см. выше.

Ф.-перм. **kone* ‘зола, щёлок’ (саам. *gudnâ*, коми *kunva* и др.) ← ПИЕ **koni-* ‘зола, пыль’ (> др.-греч. *κονις*, лат. *cinis*). ПИЕ **kon-* представляет собой глагольный корень со значением ‘скоблить, скрести’, развитие семантики в ‘пыль, зола’ произошло только в древнегреческом и латыни [IEW: 559-560], следовательно некорректно приписывать данное значение ПИЕ, а значит, и само сопоставление теряет смысл.

Саам. **epre* ‘дождь’ ← ПИЕ **ṃb^h-ro-* (> др.-инд. *abhrá-* ‘туча’, лат. *imber* ‘ливень’). Значение ИЕ корня должно быть реконструировано как ‘небо, тучи’, ‘дождь’ появляется только в латыни [IEW: 315-316]. Если семантика не имеет значения, то чем плохо сравнение, например, с тох. А, В *epre* ‘небо, атмосфера’? В любом случае распространение данного слова только в саамском указывает скорее всего на его позднее (никак не ПУ) происхождение.

Саам. (Луле) *čuođnjag-* ‘гусь’ < **sana-* ← ПИЕ **g^han-* ‘гусь’, **g^hanud-* (> др.в.-н. *ganazzo* и др.) ‘гусак’. Для чего здесь приведены специфические германские формы со значением ‘гусак’ – совершенно непонятно. Если саамское слово и должно рассматриваться как ИЕ заимствование, то источником его мог быть только сатемный ИЕ язык, например балтский (лит. *žąsis* ‘гусь’ и др.), но никак не ПИЕ или германский.

Саам. **sormeš* ‘град’ ← ПИЕ **kor-mo-* (> лит. *šar̃mas* ‘иней’). Аналогично – раннее балтское заимствование, но никак не ПИЕ.

Саам. **kōksǰj* ‘рассвет’ ← ПИЕ **h₂aws-ōs-* ‘заря’ (> лат. *aurora* и т.д.). Ларингал в ПИЕ реконструируется с сомнением. Саамское слово скорее всего связано с уральским корнем **koje-* ‘утренняя заря, солнце’, который представлен в У языках в виде осложнённых различными суффиксами дериватов [UEW: 167].

Саам. **kočsǰj* ‘сажа’ ← ПИЕ **h₁usyo-* (> др.-норв. *usja* ‘огонь’). В других случаях, согласно Й.Койвулехто, ПИЕ **h₁* даёт **š* в ФУ языках (см. выше). И фонетически, и семантически сопоставление – крайне слабое.

Саам. **somen* ‘голос, диалект’ ← ПИЕ **stomen-* ‘рот’. Семантически сопоставление довольно натянуто. Вообще, в саамском языке безусловно могут быть найдены весьма интересные пласты лексики как ИЕ, так и неиндоевропейского происхождения. Однако, работа по их выявлению должна вестись с очень большой аккуратностью, а главное – целью такой работы едва ли должна быть задача обоснования априорных палеоисторических построений.

Гораздо более обоснованы предложенные Й.Койвулехто некоторые новые арийские (индоиранские и иранские) этимологии для финно-угорских слов:

Приб.-ф. **čerä-* ‘просыпаться’ (ф. *herätä* и др.) ← арий. **jere-* (> др.-инд. *jāra-* ‘тж’). Во-первых, интересно соответствие арий. **j* ~ ФУ **č*, о возможности которого мне уже приходилось писать [Напольских 1997: 122]. Во-вторых, важно, что в слове с уже прошедшей второй арийской палатализацией (ПИЕ **g(ǵ)* > арий. **j*), вероятно, сохранялся старый ИЕ вокализм (не было перехода ПИЕ **e* > арий. **a*), что ещё раз указывает на особый арийский язык-источник подобных заимствований в ФУ языках и лишает оснований традиционную точку зрения о “раннем праарийском / доарийском” источнике (см. об этом подробнее [Helimski 1996]).

Две интересных этимологии указывают, с другой стороны, на контакты западных ФУ языков с каким-то арийским языком, в котором вторая палатализация ещё нашла: саам. **kekträ* ‘круг, кольцо, бубен’ ← арий. **kekro-* (> др.-инд. *cakrá-* ‘колесо’) < ПИЕ **k^hek^hlo-*; саам. **kert(t)e-* ‘связывать, вязать’ ← арий. **kert-* (> др.-инд. *crtá-* ‘тж’) – сюда же, безусловно, следует добавить пермские корни **kert-* ‘вязать’, **gerd-* ‘узел; связывать’.

Имеет право на существование и сопоставление перм. **bord* ‘крыло’ (< **pertz*) ← арий. **petro-* (> др.-инд. *páttra-* ‘тж’), хотя метатеза в данном случае все же вызывает сомнения. Едва ли могут быть приняты этимологии саам. **sértä* / **cértä* ‘вид, сорт, род’ ← арий.: др.-инд. *śárdha-* ‘сила; отряд, войско’ (саам. слово может быть связано с ## *śir* ##, или быть балто-славянским заимствованием: ПСлав **čerda* ‘череда, ряд’) и ф.-морд. **veneš* ‘лодка’ ← арий.: др.-инд. *vána-* ‘дерево, дрова’ (хотя в ходе развития отдельных традиций слова ‘дерево, дрова’ может начать употребляться в значении ‘судно’: др.-греч. *ξυλον* ‘дерево, дрова; корабельный лес; корабли’ (устное сообщение А.Н.Анфертьева), трудно допустить такое развитие семантики при заимствовании).

Весьма интересны попытки Й.Койвулехто обосновать новые фонетические соответствия в иранских заимствованиях в финно-угорских языках и выявить новую группу этих заимствований и обосновать особый путь развития праарийских палатальных аффрикат в иранском (с ранней депалатализацией: **k̑* > **č* > **c* (= **ts*) > *s* в отличие от **k̑* > **č* > **č̑* > *c* (= *č̑*) в индоарийском). При этом, однако, соответствие иран. **ts* > **-ks-* / **s-* базируется на слишком слабых этимологиях и не может быть принято, в отличие от весьма продуктивной, на мой взгляд, перспективы поисков параллелей на соответствие иран. **ts* ~ ФУ *č* (см. также выше о соответствии ар. *ṣ* ~ ФУ *č̑*) – по крайней мере два из предложенных Й.Койвулехто сопоставлений кажутся вполне приемлемыми и к тому же небезынтересными с культурно-исторической точки зрения: ф.-морд. **čukta* ‘пал, место в лесу, расчищенное огнём; дерево, дрова’ (ф. *huhta*, морд. Э *čuvto*, М *šufta*) ← иран. **tsukta-* (> ав. (*upa-*)*suhta* ‘сожжённый’ и т.д.); перм.-мар. **oč(w)z* ‘жеребец’ < иран. **atswa-* ‘конь’ (> ав. **aspa-* ‘тж’).

Доклад **Пекки Саммалаhti** (Оулу) был посвящён обнаруженным им новым индоевропейским заимствованиям в саамском языке, которые он аттестовал как ПИЕ. Такая аттестация вызывает законные возражения – хотя бы потому, что большинство приводимых П.Саммалаhti этимологий указывают на ИЕ язык-источник с уже прошедшим сатемным переходом (т.е., скорее всего, – балто-славянский или арийский), чего не отрицает и сам их исследователь.

Так, интерес в качестве “кандидатов” на арийские заимствования в саамском представляют: саам. *deatnu* ‘большая река’ < **täno* ← иран.: ав. *dānu* ‘река, поток’ (если преодолимы трудности в вокализме), саам. *čuoŕis* ‘с серыми и коричневыми пятнами (масть)’ < **sāra-s* ← ар.: др.-инд. **śāra-* ‘пёстрый, пятнистый’; саам. *čearru* ‘вершина безлесной горы’ < **šero* ← ар. **sāra-*: перс. *sar* ‘голова’; саам. *soamis* ‘какой-то, некоторый’ < **somas* ← ар.: др.-инд. *sama-* ‘такой же, тот же’ (если саам. слово не из германского, на что скорее указывает семантика). Слова, возможно балтского (балто-славянского) происхождения: саам. *buorggos* ‘запретный’ < балт.: лтш. *bargs* ‘жёсткий’ (если семантические трудности преодолимы); саам. *čearda* ‘племя, семейство’ < **cértz* ← балто-слав.: ПСлав **čerda* ‘ряд, череда’; саам. *šūvon* ‘хорошая собака’ < **šōvōn(je)* ← балт.: лтш. *šūō*, лит. *šunis* ‘собака’; саам. *šearrat* ‘светить’ < **šerä-* ← балт.: лит. *žerėti* ‘лучиться, светить’; саам. *čáris* ‘грубый, жёсткий (о шерсти)’ < **šāräs* ← балто-слав.: лит. *šiurkštis* ‘грубый, жёсткий’, ПСлав **širstī* ‘шерсть’. Имеются в списке П.Саммалаhti и возможные старые германизмы в саамском.

Таким образом, этимологии П.Саммалаhti представляют собой интересный материал для обсуждения и ещё раз демонстрируют перспективность поисков одновременных ИЕ заимствований в саамском (см. выше), но не имеют (вопреки мнению самого их автора) никакого отношения к проблеме древнейших индоевропейско-уральских связей на уровне праязыков.

Иллич-Свитыч В.М. 1971. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (б-к). Москва.

Напольских В.В. 1997. Введение в историческую уралоистику. Ижевск.

Фасмер М. I-IV. Этимологический словарь русского языка. Пер. и дополнения О.Н.Трубачёва. Т. 1-4. Москва. 1986-1987.

Хелимский Е.А. 1995. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках. История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. Москва.

Helimski E. 1996. The southern neighbours of Finno-Ugrians: Iranians or an extinct branch of Aryans ("Andronovo Aryans")? // *Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt*. Maastricht.

Hilmarsson J. 1996. Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary / *Tocharian and Indo-European Studies. Supplementary Series*. Vol. 5. Reykjavik.

IEW – Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern – Wien, 1959.

Mayrhofer M. I-IV. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1-4. Heidelberg, 1956-1980.

Napolskich W.W. 1996. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Hamburg. Bd. 18/19.

Ritter R.-P. 1993. Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen / *Opiscula Fenno-Ugrica Gottingensia*. Bd.5. Frankfurt am Main.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. N. I-VII / *Lexica Societatis Finno-Ugricae*, 12:1-7. Helsinki, 1955-1981.

UEW – Uralisches etymologisches Wörterbuch. Hrsg. von K.Rédei. Budapest, 1986-1991.

Vitso T.-R. 1991. Finnic and its prehistoric Indo-European neighbours // *Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slawischen Sprachraum*. Amsterdam – Atlanta.